

18+

Элиас Вейн

Туманный Узел

Элиас Вейн
Туманный узел

«Издательские решения»

Вейн Э.

Туманный узел / Э. Вейн — «Издательские решения»,

Лондон, 1888 год. Ассистент патологоанатома Артур Кроули днём помогает полиции в поисках Джека Потрошителя, а по ночам теряет память. В его дневнике появляются пугающие записи, сделанные чужим почерком, а инспектор Абберлайн начинает дышать ему в спину. Артур понимает: петля затягивается, и главный враг — не закон, а Тень внутри него самого. Сможет ли он распутать этот узел, прежде чем проснётся убийцей, или он уже стал тем самым монстром, которого ищет весь город?

© Вейн Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Рождение Тени	6
Глава 2: Запах Гнили и Лаванды	7
Глава 3: Эхо из Глубин	8
Глава 4: Уайтчепел	10
Глава 5: Зеркала и Тени	12
Глава 6: Письмо	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Туманный узел

Элиас Вейн

© Элиас Вейн, 2026

ISBN 978-5-0069-6238-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Рождение Тени

Туман был моим сообщником. Он окутывал меня, как саван, скрывая от любопытных глаз, заглушая мои шаги по скользким булыжникам. Лондон этой ночью был моим. Его грязные, извилистые улицы — моими венами, его тусклые газовые фонари — моими глазами. Я был частью этого города, его темной, скрытой стороной, о которой никто не хотел знать, но которую все чувствовали.

Я не помню, как я оказался здесь, в этом лабиринте отчаяния, который называли Уайт-чепелом. Я не помню, что привело меня сюда. Была ли это жажда? Или это был долг? Я не знал. Я просто шел, ведомый инстинктом, как волк, идущий на запах крови.

И вот она. Женщина. Ее лицо было бледным, почти прозрачным в свете фонаря. Ее глаза, пустые и усталые, смотрели в никуда. Она была частью этого города, его грязью, его отчаянием. Она была символом всего, что я ненавидел. И всего, что я желал.

Я подошел к ней. Она не испугалась. Она даже не удивилась. Она просто посмотрела на меня, и в ее глазах я увидел не страх, а... облегчение. Словно она ждала меня. Словно я был ее спасением.

— Что тебе нужно, мистер? — спросила она, ее голос был хриплым от джина и холода.

Я не ответил. Я просто смотрел на нее, и в моей голове звучал голос. Голос, который я слышал всю свою жизнь. Голос моей матери. «Ты должен очистить этот мир. Ты должен избавить его от грязи». И я знал, что я должен сделать.

Я вынул из кармана скальпель. Его лезвие блеснуло в свете фонаря. Женщина посмотрела на него, и в ее глазах, наконец, появился страх. Но было уже поздно.

Я схватил ее за волосы, откинул ее голову назад. Ее горло, белое и незащитное, было передо мной. Я провел по нему лезвием. Один раз. Быстро. Точно. Кровь хлынула, горячая и липкая. Она окрасила мои руки, мою одежду. Но я не чувствовал отвращения. Я чувствовал... удовлетворение. Словно я смыл с себя всю грязь этого мира.

Женщина упала на землю. Ее тело дергалось в конвульсиях. Я смотрел на нее, и во мне не было ни жалости, ни сострадания. Только холодное, аналитическое любопытство. Я хотел знать, что внутри. Что скрывается за этой оболочкой из плоти и крови. Я хотел увидеть душу. Или убедиться, что ее нет.

Я опустил на колени. Мои руки, покрытые кровью, двигались быстро и уверенно. Я вскрыл ее живот. Я вынул ее органы. Я разложил их на земле, как экспонаты в музее. Я искал. Я искал ответ. Но ответа не было. Была только пустота. Такая же, как и во мне.

Я встал. Я посмотрел на свою работу. Это было некрасиво. Это было хаотично. Это было... неправильно. Я чувствовал разочарование. Я ожидал чего-то большего. Какого-то откровения. Но ничего не произошло.

Я ушел. Я оставил ее там, в грязи, среди ее собственных внутренностей. Я шел по улицам, и туман снова окутал меня. Он смыл с меня кровь, он смыл с меня память. Я не помнил, что я сделал. Я не помнил, кто я. Я был просто человеком, идущим по улице. Человеком с чистыми руками и чистой совестью.

Я вернулся в свою квартиру, зажег свечу. Я посмотрел в зеркало. На меня смотрело бледное лицо с усталыми глазами. Но в них не было ни тени безумия. Ни тени того, что я только что сделал.

Глава 2: Запах Гнили и Лаванды

Глава 3: Эхо из Глубин

31 августа 1888 года, Лондон.

Моя голова сегодня напоминает разбитый колокол, каждый звук в котором отдается невыносимым, гулким звоном. Смертельная боль пульсирует в висках, словно кто-то методично вбивает туда раскаленные иглы. Я проснулся в своей постели, полностью одетый, с привкусом меди и дешевого джина во рту. Мои ботинки в засохшей грязи, рукав сюртука порван. Я не помню, как оказался дома. Последнее, что удерживает моя память — это желтый, бессмысленный свет газового фонаря, отражающийся в луже сточной канавы.

Но я должен записать то, что еще не стерлось. Вчерашний вечер в Уайтчепеле был... иным.

Я зашел в паб «Три якоря» не для того, чтобы пить, а чтобы сбежать от стерильной тишины морга, которая начала давить на меня после вскрытия того торса из Темзы. В пабе стоял густой, оседаемый смрад: кислый эль, дешевый табак и запах немых тел. Я сел в самом темном углу, стараясь не привлекать внимания своим слишком чистым воротничком.

За соседним столом сидел старик — обветренное лицо, руки в узловатых венах. К нему подошла женщина. Она была немолода, её лицо было изборождено морщинами, которые не стирает даже самая искусная пудра, а в глазах застыла та особая усталость, что свойственна лишь тем, кто продает свои ночи за несколько пенсов. Она была в поношенном темном платье, от неё пахло джином и чем-то приторно-сладким.

— Мэри! Мэри Энн, старая ты грешница, — прохрипел старик, расплываясь в беззубой улыбке. — Всё еще ищешь удачу на Бакс-Роу?

— Удача стоит дорого, Том, — ответила она голосом, надтреснутым, как старая пластинка. — А ночь сегодня холодная. Мне нужно всего четыре пенса на ночлег, иначе Смит выставит меня на улицу.

— Садись, Мэри. Выпей со мной. Может, туман сжалится над тобой сегодня.

Я слушал их диалог, и каждое слово Мэри Энн Николс (теперь я знаю её имя, Господи, я знаю её имя!) вбивалось в мой мозг. Я не знал её тогда, она была для меня лишь случайной прохожей в этом человеческом муравейнике. Но её голос... он был полон безысходности, которую не залить никаким элем.

Я пил. Один стакан, второй, третий. Джин обжигал горло, туманил рассудок, превращая лица посетителей в гротескные маски. Я хотел забыть о торсе, о скальпелях, о своей идеальной жизни. В какой-то момент я понял, что перебрал. Мир начал крениться, стены паба поплыли, превращаясь в зыбкое марево.

Когда я, пошатываясь, вышел на улицу, ночь уже полностью вступила в свои права. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет газового рожка выхватывал из темноты лишь клочки реальности. Я прислонился к холодной кирпичной стене, пытаюсь удержать равновесие.

И тут я увидел её снова. Мэри Энн стояла на углу, кутаясь в свою шаль. Из глубокой тени за углом дома высунулась рука в темной перчатке и сделала едва заметный, властный жест. Кто-то звал её. Я прищурился, пытаюсь разглядеть лицо этого человека, но фонарный свет, тусклый и дрожащий, скрывал его в непроницаемой черноте. Виден был лишь силуэт — высокий, в длинном пальто и, кажется, в цилиндре. Джентльмен? Что джентльмену делать в этой клоаке в такой час?

Мэри Энн помедлила лишь секунду. Она поправила волосы, натянула на лицо подобие улыбки и шагнула в тень. Они повернули за угол вместе. Тишина сомкнулась за ними, как вода над камнем.

Я попытался пойти за ними, ведомый каким-то странным, болезненным любопытством, но ноги не слушались. Мостовая под моими ботинками превратилась в палубу корабля во время шторма. Я споткнулся о неровный булыжник, взмахнул руками, пытаюсь ухватиться за воздух, и с тяжелым всплеском рухнул в сточную канаву. Холодная, вонючая жижа обожгла лицо. Я слышал свой собственный смех — или это был смех того человека из тени?

Дальше — пустота. Черный провал, в котором не было ни звуков, ни образов.

И вот я здесь. 31 августа. Утро. Голова раскалывается. На моем столе лежит свежая газета, которую принес мальчишка-разносчик. Заголовок кричит: «УЖАС В УАЙТЧЕПЕЛЕ! ТЕЛО ЖЕНЩИНЫ НАЙДЕНО НА БАКС-РОУ».

Я знаю, кто это. Я видел её живой всего несколько часов назад. Или это была галлюцинация? Пьяный бред, порожденный парами джина и моими собственными страхами? Но если это правда... если я видел его... почему я не могу вспомнить его лицо?

И самое страшное — почему на моих ладонях, под ногтями, я нахожу следы черного ила, перемешанного с чем-то рыжим, напоминающим засохшую кровь? Я ведь просто упал в канаву. Правда же?

Я должен идти в морг. Профессор Блэквуд ждет. Сегодня я буду вскрывать женщину, чье имя я слышал в пабе. Мэри Энн. Моя Мэри Энн.

Глава 4: Уайтчепел

8 сентября 1888 года, Лондон.

Прошло восемь дней с той ночи на Бакс-Роу, которую я так отчаянно пытаюсь вычеркнуть из памяти, но Лондон не дает мне забыть. Сегодня город содрогнулся снова. Энни Чэпмен. Вторая.

Я стоял над её телом в заднем дворе дома 29 по Хэнебери-стрит, и утренняя сырость пробирала меня до костей. Туман был таким густым, что инспектор Абберлайн казался лишь серым призраком в паре шагов от меня. Но то, что лежало у моих ног, было ужасающе реальным.

Убийца стал смелее. Или безумнее. Горло перерезано с такой силой, что голова едва держалась на позвоночнике, а внутренности... они были разложены с какой-то извращенной, почти ритуальной аккуратностью. Мои пальцы в резиновых перчатках дрожали, когда я фиксировал время смерти.

— Что скажете, Кроули? — голос Абберлайна прозвучал как гром в этой гробовой тишине.

— Хирургическая точность, инспектор, — мой собственный голос показался мне чужим, надтреснутым. — Убийца знал, что искать. Он не просто резал, он препарировал.

В голове вспыхнула вспышка: 31 августа, Мэри Энн Николс. Я видел её живой. Я слышал её голос. А теперь я стою над Энни, и в моей памяти пульсирует тот самый бессмысленный свет фонаря у аптеки.

После осмотра я совершил то, чего не должен был делать. Я вернулся к тому углу, где видел Мэри в последний раз. Аптека была закрыта, её окна походили на пустые глазницы. Тот же фонарь, тот же тусклый свет. Я опустился на колени, там, где я упал в канаву восемь дней назад, и начал шарить руками по склизким булыжникам.

Мои пальцы наткнулись на что-то твердое в щели между камнями. Я вытащил это на свет. Золотая запонка с гравировкой в виде переплетенных змей. Моя запонка. Одна из пары, которую я надевал в тот вечер.

Холод, более острый, чем скальпель, пронзил мое сердце. Я помню, как упал. Я помню всплеск. Но я не помню, чтобы я ползал здесь, у самого входа в тот темный переулок, куда ушла Мэри. Запонка лежала не там, где я упал, а на три ярда дальше — в самой тени, где стоял *он*.

Я спрятал находку в карман, чувствуя, как она обжигает мне бедро. Весь путь до морга я видел перед собой лишь одно: руку в темной перчатке, делающую властный жест. Чья это была рука? Моя? Нет, это невозможно. Я был пьян, я едва держался на ногах. Но почему тогда моя запонка лежала в логове зверя?

В морге меня ждал еще один сюрприз. Профессор Блэквуд указал мне на фрагмент торса, присланный сегодня утром из Темзы. Совершенно иная техника. Никакой ярости, только

холодный расчет. Чистые срезы, аккуратное отделение конечностей. Два убийцы? Или один человек с двумя разными душами?

Я смотрел на Энни Чэпмен, чьи глаза застыли в немом крике, и видел в них свое собственное отражение. Я — ассистент патологоанатома, человек науки, порядка и лавандового мыла. Но в моих карманах — грязь Уайтчепела и золото, потерянное в тени убийства.

Лондон шепчет мне тысячи имен, но я слышу только одно. И это не имя жертвы. Это имя того, кто просыпается во мне, когда гаснут фонари.

Глава 5: Зеркала и Тени

15 сентября 1888 года, Лондон.

Прошла неделя после Энни Чэпмен. Неделя, в которой я не жил, а лишь существовал в густом, удушливом тумане собственного страха. Мой дом, некогда тихая гавань, стал для меня камерой пыток. Каждый шорох за стеной, каждый скрип половицы заставляет мое сердце биться с такой силой, что я чувствую его в самом горле.

Сегодня утром я нашел это. Маленький клочок серой бумаги, застрявший в подкладке моего черного сюртука. Того самого, что был на мне 31 августа. На нем карандашом, моим собственным — я узнаю этот наклон, этот нажим — выведено всего одно слово: «Мэри». И рядом, едва заметно, четыре пенса.

Я не помню, чтобы я писал это. Мои пальцы сжимают этот листок, превращая его в комок, а в голове пульсирует одно и то же: *зачем?* Зачем мне было записывать её имя? Чтобы не забыть свою жертву? Или чтобы помнить о той, кого я не смог спасти?

Я подошел к зеркалу в прихожей. Мое лицо осунулось, глаза ввалились, окруженные темными кругами бессонницы. Я выгляжу как человек, который болен лихорадкой, но моя болезнь — это не плоть, а дух. Я смотрел на свое отражение и видел в нем чужака. Кто этот человек с холодным, изучающим взглядом? Тот ли это Артур Кроули, что каждое утро аккуратно завязывает галстук и полирует свои скальпели?

Вчера я вернулся в паб «Три якоря». Я не хотел пить, я хотел ответов. Старик Том всё так же сидел за своим столом, но он был пьян еще сильнее, чем в прошлый раз.

— Том, — я наклонился к нему, стараясь не вдыхать перегар. — Ты помнишь Мэри? Ту, что была здесь в ночь на 31-е?

Он мутно посмотрел на меня, и в его глазах промелькнул узнавание, смешанное с ужасом.

— Ты... — он ткнул в меня дрожащим пальцем. — Ты был здесь. Ты смотрел на неё. Весь вечер смотрел, как коршун.

— Я просто сидел в углу, Том.

— Нет, мистер. Ты ушел сразу за ней. Я видел, как ты шатался, но ты шел прямо к тому углу, где она стояла.

Мой мир на мгновение замер. Шел прямо к углу? Но я помню, что едва мог стоять! Я помню падение в канаву! Или это было позже? Или мое тело двигалось само, ведомое кем-то другим, пока мой разум тонул в джине?

Я вернулся домой и начал лихорадочно обыскивать свою квартиру. Я искал... сам не знаю что. И я нашел. В ящике моего секретера, под кипой анатомических атласов, лежала маленькая бархатная коробочка. Внутри — нитка жемчуга, разорванная, с несколькими недостающими бусинами. И одна-единственная золотая запонка. Вторая из моей пары с переплетенными змеями.

Я вытащил из кармана ту, что нашел у аптеки. Они лежали на моей ладони — две змеи, кусающие себя за хвост. Кольцо замкнулось.

Я сел на пол и обхватил голову руками. Жемчуг... я помню, что у Энни Чэпмен на шее была дешевая имитация жемчуга, которую убийца сорвал с неё. Откуда эта коробочка в моем столе? Я никогда не покупал жемчуг.

В этот момент я понял: Тень больше не прячется в углах. Она живет здесь, в моей квартире, в моем теле. Она носит мою одежду, она пользуется моими инструментами. И, кажется, она знает анатомию гораздо лучше, чем я.

Я слышу, как внизу бьют часы на башне Вестминстера. Полночь. Снова туман. Снова этот зов из глубины моего сознания. Я боюсь закрывать глаза, потому что знаю: когда я проснусь, на моих руках может быть новая грязь. Или новая кровь.

Я должен выяснить, кто такой Убийца с Темзы. Если Потрошитель — это моя Тень, то кто тогда тот, другой? Тот, кто действует с хирургической чистотой, лишенной ярости? Может быть, это и есть настоящий я? Артур Кроули, ассистент патологоанатома, доводящий свое искусство до совершенства на живой плоти?

Я не знаю, где заканчиваюсь я и начинается он. Я — туманный узел, который невозможно развязать. Его можно только разрубить.

Глава 6: Письмо

20 сентября 1888 года, Лондон.

Дождь в Лондоне сегодня не просто вода, это серая, холодная пелена, которая смывает остатки надежды с лиц прохожих. Я сижу в своем кабинете в Королевском госпитале, и передо мной лежит копия того самого письма, которое вчера пришло в Центральное агентство новостей. «Дорогой Босс...» — эти слова, написанные красными чернилами, которые, как уверяет экспертиза, не являются кровью, жгут мне глаза.

Я смотрю на почерк. Крупные, размашистые буквы, уверенный нажим. В нем есть что-то... наглое. И в то же время пугающе знакомое. Я вытащил из ящика стола свой дневник и положил его рядом. Мой почерк — аккуратный, мелкий, выверенный годами латинских терминов. Но если я чуть-чуть изменю наклон... если я перестану контролировать свою руку...

Я взял перо и на чистом листе бумаги попытался повторить первую букву «D». Моя рука дрогнула. Нет, это не я. Это не может быть я! Но почему тогда при взгляде на это письмо у меня сводит челюсть от фантомного вкуса железа?

Вчера вечером я решил провести эксперимент. Я запер свою дверь на два замка, а ключ спрятал в самый дальний угол шкафа, под грудой старых газет. Я хотел проверить, смогу ли я выйти из комнаты в состоянии транса. Я лег в постель, но сон не шел. Я слушал, как бьют часы, как за окном проезжают кэбы, как шепчет туман.

В какой-то момент я, видимо, провалился в тяжелое, липкое забытие. Мне снился Лондон — не город людей, а огромный, пульсирующий организм, вены которого заполнены черной водой Темзы. Я бежал по этим венам, и за мной гнался кто-то огромный, с лицом, закрытым цилиндром. Я обернулся, чтобы увидеть преследователя, и увидел... самого себя. Но мой двойник был не ассистентом патологоанатома. Он был мясником в окровавленном фартуке, и в руках у него был мой лучший набор скальпелей.

Я проснулся от холода. Окно в моей спальне было распахнуто настежь, и ледяной ветер гонял по полу клочья тумана. Я бросился к шкафу. Газеты были разбросаны, ключа на месте не было. Он лежал на столе, прямо на моем дневнике. И рядом с ним — маленькая, засохшая веточка лаванды.

Лаванда. Мой любимый запах. Запах чистоты, которым я пытаюсь заглушить вонь смерти в морге. Но сейчас этот аромат кажется мне запахом разложения.

Сегодня в морге я встретил инспектора Абберлайна. Он выглядел постаревшим на десять лет. Его глаза покраснели от недосыпа, а руки постоянно теребили пуговицу на пальто.

— Кроули, вы — человек науки, — сказал он, прислонившись к холодному кафельному столу. — Скажите мне, может ли человек совершать такие зверства и при этом вести обычную, добропорядочную жизнь? Может ли он днем лечить людей, а ночью... рвать их на части?

Я почувствовал, как кровь отливает от моего лица.

— Психиатрия знает такие случаи, инспектор. Расщепление личности. Доктор Джекилл и мистер Хайд — это не просто вымысел мистера Стивенсона. Это метафора нашей эпохи. Мы все носим маски.

Абберлайн внимательно посмотрел на меня.
— А какую маску носите вы, Артур?

Я не нашелся, что ответить. Я просто кивнул и ушел в секционную. Там меня ждал новый «гость» — фрагмент женской руки, выловленный у моста Блэкфрайарс. Это был Убийца с Темзы. И снова — идеальный срез. Никакой спешки, никакой ярости. Кость была перепилена с такой точностью, какую я видел только у ведущих хирургов Европы.

Я начал вскрытие, и мои руки двигались сами собой. Я знал каждый нерв, каждую мышцу. Я словно читал книгу, написанную тем, кто знает анатомию лучше меня. И в этот момент я понял: Убийца с Темзы — это не Тень. Это не Потрошитель. Это... я? Мой разум, доведенный до абсолюта, лишенный эмоций, стремящийся к совершенству через деконструкцию плоти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.